

В. А. Кутузов

Загадочная смерть А. А. Жданова

Почти сразу же после окончания Второй мировой войны у И. В. Сталина случился инсульт. Решением Политбюро он был в октябре 1945 г. отправлен в отпуск, где пробыл более двух месяцев.

Формальным руководителем в отсутствие Сталина остался Молотов. Однако никаких принципиальных решений он не мог принять не только без согласования со Сталиным, но и без поддержки Г. М. Маленкова, Л. П. Берии и А. И. Микояна¹. А. А. Жданов в это время находился в Союзной Контрольной Комиссии в Финляндии².

После возвращения Сталина в Москву Постановлением Политбюро от 29 декабря 1945 г. Жданов в срочном порядке отзывался из Союзной Контрольной Комиссии в Финляндии, которую он возглавлял в Хельсинки с сентября 1944 г., и вводился в состав «пятерки»³.

Этот шаг был сделан потому, что за годы войны значительно усилилось влияние Маленкова — Берии. По всей видимости, это не устраивало Сталина, и он стал противодействовать дальнейшему влиянию этой группы. В качестве противовеса использовался Жданов и его «ленинградцы»⁴. Заметим, что главный соперник Жданова на идеологическом фронте А. С. Щербаков еще в декабре 1944 г. тяжело заболел, и 10 мая 1945 г. скончался. Маленков стал руководить идеологической работой и сохранял статус второго секретаря ЦК ВКП(б), перешедший к нему от Жданова во время войны. Однако Маленков в роли идеолога явно проигрывал Жданову⁵.

29 декабря 1945 г. на том же заседании Политбюро Берия был освобожден от поста наркома НКВД в связи с перегруженностью другой центральной работой: он руководил созданием атомного оружия. Однако Берия сохранил за собой пост заме-

Кутузов Владислав

Александрович,

доктор исторических

наук, профессор,

Санкт-Петербургский

государственный

университет,

действительный член

Академии военно-

исторических наук

(Санкт-Петербург)

стителю председателя Совета народных комиссаров СССР с весьма широкими полномочиями. 18 марта 1946 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) Берия и Маленков были переведены из кандидатов в члены Политбюро. В то же время заметим, что ставленник Берии, министр МГБ СССР В. Н. Меркулов, 4 мая 1946 г. был заменен на В. С. Абакумова. Последний до этого возглавлял, в том числе и в годы войны, органы военной контрразведки «СМЕРШ», и подчинялся Наркомату обороны, то есть непосредственно Сталину. 18 марта 1946 г. новым секретарем ЦК ВКП(б) стал А. А. Кузнецов, стоявший до этого во главе ленинградской партийной организации. По словам сына Жданова, Юрия Андреевича, сказанным в личной беседе с В. И. Демидовым и автором данной статьи, Кузнецов не был выдвиженцем Жданова, их отношения испортились во время блокады Ленинграда. Рекомендовал же Кузнецова на пост секретаря ЦК лично Сталин.

Вскоре, 4 мая 1946 г., Маленков в связи с делом работников авиационной промышленности, обвиняемых в выпуске бракованных самолетов (он отвечал по линии Государственного Комитета Обороны за их производство), был освобожден от должности секретаря ЦК ВКП(б). Заметим, что комиссию по этому делу возглавлял Жданов. Но обязательного для тех лет ареста Маленкова или снятия его со всех постов не последовало. Более того, он остался в составе Политбюро и Оргбюро⁶. Добавим, что 13 мая 1946 г. Маленков стал председателем вновь созданного специального комитета по реактивной технике. Сделано это было, по всей видимости, для того, чтобы он искупил прошлые ошибки⁷.

Маленков лишился поста главы управления кадров ЦК ВКП(б). Отныне в его компетенцию входили лишь вопросы руководства ЦК Компартий союзных республик, подготовка вопросов к Оргбюро и председательство на его заседаниях⁸. На ключевом посту оказался А. А. Кузнецов (неофициально прозванный «Кузнецов ленинградский»). Именно к Кузнецову перешло руководство управлением кадров ЦК ВКП(б). Жданову официально передали руководство Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), включая печать, издательскую деятельность, кино, радиовещание, ТАСС, искусство, одновременно он руководил отделом внешней политики. Однако в отличие от Кузнецова, Жданов не назначили начальником управления пропаганды и агитации, оставили этот пост за Г. Ф. Александровым⁹.

2 августа 1946 г. Политбюро приняло решение, по которому на Жданова возлагалось председательствование на заседаниях Оргбюро и руководство работой секретариата ЦК. Тем самым Жданов был признан вторым лицом в партии и вновь, как это было до войны, стал вместе со Сталиным подписывать совместные постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б). По всей видимости, с целью создания равновесия сил в руководстве 2 августа 1946 г. после трехмесячной опалы, Маленков вновь получил высокий пост заместителя председателя Совета Министров СССР и члена бюро Совета Министров. В итоге Маленков фактически стал заместителем Сталина по государственным делам, а Жданов по партийным¹⁰.

Кузнецов явно поторопился призвать участников совещания в ЦК ВКП(б) покончить с «маленковщиной» в подборе кадров, о чем автору в личной беседе поведал Иосиф Михайлович Турко, бывший второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б).

По сведению секретаря ЦК компартии Карело-Финской республики Г. Н. Куприянова, отношения между Маленковым и Ждановым были не просто натянутыми — они ненавидели друг друга. Жданов пользовался большим доверием Сталина, но Сталин очень доверял и Маленкову. К тому же Маленкова всегда и во всем поддерживал Берия... Жданов был не безупречен и сам делал немало ошибок, но, безусловно, стоял выше Маленкова и Берии во всех отношениях. Он мешал им обоим, и оба они ненавидели Жданова с одинаковой силой¹¹. Эти сведения подтверждает Д. Т. Шепилов. По его словам, Берия искусно плел интриги. Жданов об этом знал и поэтому часто выходил из равновесия. Он не раз приезжал «сверху» крайне озабоченный и расстроенный. Это сразу сказывалось на сердце. Он становился бледным и «прозрачным». При рассказе о том, что было «наверху» он возбуждался, начинал прерывисто дышать и хватать ртом воздух. Но по соображениям такта он никогда не позволял себе сказать что-либо недостойное о других членах Политбюро¹².

В то же время к Жданову питали большие симпатии наиболее влиятельные марксистски образованные и просвещенные люди в Политбюро — Молотов и Вознесенский. Поэтому цель Берии и Маленкова была ясна: любыми средствами ослабить доверие Сталина к Жданову, каким-то образом дискредитировать его и устранить с положения первого секретаря ЦК после Сталина. Это означало бы вместе с тем ослабить или даже подорвать доверие Сталина к Молотову и Вознесенскому. И Берия с Маленковым пристально следили за ситуацией и не упускали ни одной возможности, чтобы положить «гирьку» на свою «чашу весов».

При патологической мнительности Сталина и ревнивем охранении им своей абсолютной монополии вождя для таких действий всегда находились возможности — тем более что Жданов, Молотов, Вознесенский по своему моральному облику были полной противоположностью Берии, или Маленкову, или Хрущеву. Это были люди долга, одержимые в труде, лишённые любых элементов групповщины, фракционности, интриганства¹³.

Наступление на Жданова шло также и по линии компрометации его кадров. Против Жданова Берия пытался использовать внебрачного сына Сталина Константина Степановича Кузакова, родившегося в доме вдовы, где квартировался ссыльный в Сольвычегодск Иосиф Джугашвили. Приближая Константина Кузакова к себе, Жданов хотел стать еще ближе к Сталину. За семь лет из вузовского преподавателя Кузаков стал заместителем начальника управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В 1947 г. Берия сфабриковал дело Бориса Сучкова, заместителя Кузакова, обвинив первого в выдаче американцам советской атомной программы и шпионаже. Дело в том, что рекомендации на работу Сучкова в ЦК давал по просьбе Жданова Кузаков, причем документально это не было зафиксировано. Берия об этом, конечно, знал, но предпочел обзавестись свидетелем, которому Сталин поверил бы

безоговорочно. Можно предположить, что Жданов провел не одну бессонную ночь. В свою очередь Кузаков прекрасно понимал, что назови он фамилию Жданова, они стали бы участниками грандиозного заговора. Берия поднял вопрос об атомном шпионаже в Политбюро. Как потом говорил Кузакову Жданов, Берия требовал ареста Кузакова. Сталин долго ходил вокруг стола, а потом сказал: «Для ареста Кузакова я не вижу оснований». В результате Кузакова судили судом чести ЦК, и за потерю бдительности исключили из партии, сняли со всех постов. После ареста Берии в 1953 г. его восстановили в партии, и при Хрущеве он работал директором издательства, начальником управления Министерства культуры, и долгие годы состоял членом коллегии гостелерадио¹⁴.

В тоже время имели место и менее трагические факты освобождения людей Маленкова от занимаемых постов. 17 сентября 1947 г. Г. Ф. Александрова вместе с его заместителем П. Н. Федосеевым в целях «обновления» кадров освободили от руководства управлением пропаганды и агитации. Идеологическое ведомство поручили возглавлять М. А. Суслову, сумевшему сохранить должность заведующего отделом внешней политики. Первым заместителем по управлению назначили с подачи Жданова Д. Т. Шепилова.

Жданов же фактически оказался в положении генерала без армии, ибо утратил возможность воздействия на подготовку, а, следовательно, и принятия решения. Оставаясь номинально вторым секретарем ЦК ВКП(б), он всего лишь председательствовал на заседании секретариата и Оргбюро, а все его властные полномочия, как главного идеолога, оказались у Суслова¹⁵. По мнению Шепилова, это был человек в футляре, маленький человек, совершенно равнодушный, необразованный. Жданов его не признавал, не разговаривал с ним, с презрением к нему относился...¹⁶

В то же время Жданову принадлежала главная роль в подготовке Коммунистического информационного бюро, которое ставило своей целью сплотить вокруг ВКП(б) коммунистические партии стран Запада и Восточной Европы.

Некоторые авторы считают факт совместного участия Маленкова и Жданова на учредительном съезде Коминформбюро в конце сентября 1947 г. выражением недоверия Жданову, однако, как нам представляется, такая «командировка» выглядит вполне логично: не мог же Жданов делать на одном совещании два доклада. Он осветил международное положение, Маленков — деятельность ВКП(б). Заметим, что еще 29 декабря 1945 г. Маленков вошел в состав внешнеполитической комиссии Политбюро вместе со Сталиным, Молотовым, Ждановым и Микояном¹⁷. Неудивительно, что Маленков был в курсе партийных дел, поскольку оставался членом Оргбюро и Политбюро.

Что касается доклада Жданова, то в его личном фонде хранится письмо А. Коллонтай, первой в мире женщины-посла, в котором она высказывает свое мнение о докладе. В частности она писала: «Многоуважаемый и дорогой Андрей Александрович, к многочисленным приветствиям которые несутся к вам со всех концов нашей страны и всего мира в связи

с Вашим докладом, хочу присоединить и мой голос. Ваше выступление не только блестяще по глубине и анализу положения дел во всем мире, особенно в США, но и является историческим документом, указывающим ясный и четкий путь к будущему. У многих последнее время развился пессимизм, но Ваш анализ и ясные указания последующих этапов нашей политики и освободительного движения во всем мире приоткрывает еще одну дверь в будущее. И на душе делается радостно и светло. Установка нашей партии, так ярко передана в Вашем докладе, твердая и четкая, самый внушительный ответ поджигателям войны. Переводится ли Ваш доклад на другие языки, чтобы издать его отдельной брошюрой? Это было бы очень важно. Я не теряю связь с моими друзьями за границей и вижу, как они реагируют на Ваш доклад и его основные положения.

Поздравляю Вас с огромным успехом и сердечно жду вашу руку. Всего наилучшего желает Вам старый соратник. А. Коллонтай. 1 – XI. 47 г»¹⁸.

А вот проведение второй дискуссии по книге Александрова «История западно-европейской философии» действительно вызывает вопросы. Ее организовал и руководил ею начальник управления кадров ЦК ВКП(б) Кузнецов. Рядом с ним в Президиуме сидел Сулов, которого 22 мая 1948 г. назначили секретарем ЦК. Жданов же, как секретарь ЦК по идеологии, все же лишь участником дискуссии¹⁹.

По мнению дочери Сталина, недовольство Ждановым отец высказывал незадолго до смерти последнего. В своей книге «Только один год» Светлана Аллилуева пишет: «Однажды, незадолго до смерти А. Жданова, зная о его постоянных сердечных приступах, отец, раздраженный тем, что Жданов за столом молчал, вдруг набросился на него: “Сидит как Христос, как будто это его и не касается! Вот — смотрит на меня как Христос!” Жданов побледнел, его лоб покрылся потом, но продолжал молчать. Я испугалась, что ему будет плохо и дала воды. Это было поздней осенью 1947 года, на одной из дач отца у Черного моря, куда все приезжали к нему»²⁰. Это подтверждает и Н. С. Хрущев, который отметил в мемуарах: «Потом вдруг все перевернулось. Сталин резко отвернулся от Жданова и теперь не терпел его. Последние дни жизни Жданова мне просто было жалко его. Он был по своему человек обаятельный, и я питал к нему определенное уважение»²¹.

Незадолго до ухода в отпуск, несмотря на болезнь, Жданов готовил проект реорганизации секретариата ЦК, где критиковал Кузнецова как руководителя управления кадров ЦК. В частности Жданов писал, что сосредоточение распределения кадров под руководством одного секретаря в одном управлении кадров не оправдывает себя, что сказалось на системе подбора и распределения кадров в ведомствах. Жданов предлагал изменить функции и состав секретарей ЦК. Их должно было быть 12, и каждый из них должен был курировать подбор кадров и выполнять распоряжения центра в той или иной сфере управления²². Трудно не согласиться с М. В. Зеленовым, что данный проект ставит под сомнение утверждение о существовании единой «ленинградской» группы²³. Доба-

вим, что выдвижение ленинградских работников в 1946–1948 гг. не носило характера массовой «кадровой экспансии»²⁴.

1 июля 1948 г. Маленков был возвращен в секретариат ЦК и опять занял ключевое место во властных структурах. Сразу же последовала коренная реорганизация партийного аппарата. По решению Политбюро от 10 июля, вместо управлений ЦК остались одни отделы. Так, управление кадров разделили на семь отделов. Их распределили между тремя секретарями. Административный отдел занимался расстановкой и подбором кадров в Министерствах вооруженных сил, госбезопасности, внутренних дел и юстиции, включая судебную систему и прокуратуру. Куратором отдела стал Кузнецов. Он курировал МГБ еще с 17 сентября 1947 г. Остальные отделы тяжелой промышленности, легкой промышленности, транспортный, планово-финансово-торговый, сельскохозяйственный распределили между Маленковым, Кузнецовым, Пономаренко²⁵. Но в тот же день, 10 июля 1948 г. Жданов по состоянию здоровья второй раз за год ушел в двухмесячный отпуск, из которого уже не вернулся. Поэтому вопросы идеологии до 31 августа временно, а затем постоянно взял на себя Маленков, вновь ставший вторым секретарем ЦК²⁶.

Отношение к Жданову поменялось прежде всего в связи с политикой руководства Югославией, где коммунистическое правление, в отличие от большинства восточноевропейских стран, не было навязано советским военным присутствием, а «выросло» на собственной основе... Таким образом, югославское руководство, чувствуя себя более самостоятельным, чем руководители других стран в Восточной Европе, позволяло себе в той или иной мере оппонировать советским решениям, особенно если они затрагивали интересы Белграда²⁷. Прав Б. И. Николаевский, который утверждал, что разрыв с И. Б. Тито был практически концом Коминформа, и в то же время концом биографии Жданова²⁸.

Сыграл свою роль и Берлинский кризис, в ходе которого несколько раз возникали конфликтные ситуации, грозившие началом войны между СССР и США. Чашу весов переполнило выступление сына Жданова против академика Т. Д. Лысенко, хотя отец его предупредил: «не связывайся с Лысенко, он скрестит тебя с огурцом». А после того как объяснительная записка Юрия Жданова была опубликована в «Правде», отец горько пошутил: «Ну, теперь будем жить на твои гонорары», о чем Юрий Андреевич рассказывал автору и В. И. Демидову.

На заседании Политбюро Сталин призвал примерно наказать виновных. Не Юрия Жданова — он еще молодой и неопытный; наказать надо «отцов»: Жданова (он показал мундштуком трубки на Андрея Александровича)... Жданов-отец в ходе заседания не проронил ни слова, но, судя по всему, этот эпизод причинил ему глубокую травму... На следующий день Андрей Александрович выглядел совсем больным, с большими отеками под глазами. Он прерывал беседу длительными паузами, его мучили приступы грудной жабы, астматическое удушье²⁹. Все вышеперечисленные интриги влияли самым отрицательным образом на здоровье Жданова, и без того плохое. Напомним, что в апреле 1945 г. в Москве проходила

встреча советских руководителей с югославской делегацией. Милован Джилас обратил внимание на то, что Жданов, единственный из всех, пил не крепкие напитки, а апельсиновый сок. Объяснял он это болезнью сердца. Джилас спросил: «А какие последствия могут быть от этой болезни?» Сдержанно улыбнувшись, Жданов ответил с обычной иронией: «Могу умереть в любой момент, а могу прожить очень долго». По словам Джиласа было заметно, что Жданов чрезмерно возбуждается, что у него повышенная нервная реакция³⁰.

Неслучайно 30 ноября 1946 г. Политбюро приняло решение о предоставлении Жданову отпуска с 1 декабря на полтора месяца, а 9 декабря 1947 г. продлило его до 25 января, до окончания лечения³¹. Американский посол Смит говорил, что Андрей Жданов полтора года находился на строгой диете. На банкете в Кремле весной 1947 г., он сидел рядом со Ждановым и заметил, что Жданов ничего не ел, кроме бульона. Тот лично объяснил ему, что он соблюдает строгую диету из-за состояния своего здоровья³². В начале июля 1948 г., возвращаясь с заседания Политбюро, которое происходило на ближней даче Сталина, Жданов в машине потерял сознание...

Существуют и другие мнения о состоянии здоровья Жданова накануне отъезда на лечение. Первый секретарь ЦК ВКП(б) Карело-Финской республики Г. Н. Куприянов утверждал, что незадолго до смерти Жданова встречался с ним, приглашая его на юбилей Карелии. По словам Куприянова, Жданов был бодрый, краснощекий, улыбался, шутил, жаловался не на здоровье, а на врачей, запретивших ему отдыхать на юге. Рекомендовали среднюю полосу, и определили месяц — август. Говорил, что будет собирать грибы и сушить на балконе...³³ По-видимому, Жданов не хотел выглядеть в глазах своих «выдвиженцев» тяжело больным человеком.

Тот же Куприянов ссылается на беседу с Владимиром Петровичем Терешкиным, работавшим помощником А. А. Жданова с 1944 г. Владимир Петрович был вместе с А. А. Ждановым на даче Сталина, расположенной на Валдайской возвышенности, и рассказал, что до последнего дня А. А. Жданов чувствовал себя очень хорошо. Утром ходил за грибами, бегал так быстро, что молодые офицеры его личной охраны едва успевали за ним (вполне возможно, что накануне смерти организм мобилизовал последние силы, как это бывает. — В. К.) Вернувшись на дачу, он, как всегда, был осмотрен врачом. У него измерили температуру, давление, пульс. Все было в норме. Андрей Александрович выпил предписанные врачом лекарства, пообедал. И вскоре почувствовал недомогание. Через полчаса после обеда у него пропала речь, а через несколько часов он скончался³⁴. Заметим, что воспоминания Терешкина расходятся с другими свидетельствами. Действительно, первые дни он начал постепенно успокаиваться, но 23 июля ему позвонил кто-то из агитпропа ЦК (по-видимому, Д. Т. Шепилов. — В. К.). Разговор был явно неприятен Жданову: он кричал в трубку, находился в состоянии крайнего возбуждения. А ночью у него случился тяжелый сердечный приступ. Прибывшие 25 июля из Москвы профессора кремлевской больницы В. Н. Виногра-

дов, В. Х. Василенко и П. И. Егоров в присутствии лечащего врача Г. И. Майорова и врача-диагноста С. Ф. Карпай констатировали, что ничего экстраординарного не произошло: у больного имел место острый приступ сердечной астмы.

Несмотря на тяжесть заболевания, в течение трех недель у Жданова не снимались электрокардиограммы. 27 августа у Жданова произошел новый сердечный приступ. На следующий день на Валдай вновь вылетели профессора Егоров, Виноградов и Василенко, захватившие с собой для снятия электрокардиограммы врача Тимошук. Проведя исследования, она поставила следующий диагноз: «инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочной перегородки».

Однако остальные врачи сочли ее мнение ошибочным. Егоров и Майоров настояли на том, чтобы Тимошук переписала свое заключение в соответствии с ранее поставленными расплывчатым диагнозом: «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни». Егоров и лечащий врач Майоров разрешили Жданову вставать с постели и совершать прогулки в парк. 29 августа у Жданова вновь случился сердечный приступ. Тимошук же потребовала установить строгий постельный режим для больного. Обо всем произошедшем Тимошук в тот же день написала начальнику главного управления охраны МГБ СССР А. С. Власику, вручив свое заявление руководителю личной охраны А. А. Жданова майору А. М. Белову. Тот через несколько часов доставил его в Москву, где оно вместе с приложенными у нему листками кардиограммы Жданова было передано И. В. Сталину. На следующий день 52-летний Жданов скончался. Письмо Тимошук тогда так и не повлекло за собой последствий. Сталин не стал проводить расследование, а лично распорядился отправить письмо в архив³⁵. Это явилось самым серьезным аргументом об изменении отношения Сталина к Жданову. Приводим выдержки из текста письма: «Л. Ф. Тимошук Н. С. Власику от 29 августа 1948 г. «...несмотря на то, что я по настоянию своего начальника переделала ЭКГ, не указав в ней инфаркт миокарда, остаюсь при своем мнении и настаиваю на соблюдении строжайшего постельного режима для А. А.»³⁶. 7 сентября 1948 г. Тимошук написала подробное письмо секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецову³⁷.

В истории смерти Жданова много странного. Профессор Виноградов уже после смерти Сталина в своей записке Берии от 27 марта 1953 г. заявил: «Все же необходимо признать, что у Жданова имелся инфаркт и отрицание его мною, профессорами Василенко, Егоровым, докторами Майоровым и Карпай было с нашей стороны ошибкой. При этом злого умысла в постановке диагноза и методах лечения у нас не было»³⁸. В опубликованном медицинском заключении о болезни и смерти А. А. Жданова ничего не говорилось об инфаркте³⁹. А спустя четыре года смерть Жданова послужила основанием для фабрикации «дела врачей». Версии врачебной ошибки противоречат другие свидетельства. Историк Виталий Иванович Велегжанин, в свое время учившийся в Горьковском университете, в группе, где вела занятия Татьяна Александровна Жданова, родная сестра Андрея

Александровича, бывал у нее дома. В порыве откровенности Татьяна Александровна говорила, что Жданова на даче изолировали. Ему стало плохо, начали звонить врачу, телефон оказался неисправным, послали за врачом, которого не могли найти. По ее мнению, Жданову помогли уйти из жизни. Существуют и другие свидетельства. Сын управляющего делами Ленинградского обкома и горкома Валерий Михеев вспоминал, как в один из дней 1948 г. домой приехал отец — расстроенный, сильно выпивший, и рассказал маме, что внезапно скончался Жданов. На дачу на Валдай, где находился тогда Жданов сразу же поехали А. А. Кузнецов из Москвы, и по его мнению, П. С. Попков и Я. Ф. Капустин (последнего на Валдае не было. — *В. К.*). Вернулись они очень расстроенные и испуганные. Из разговоров, при которых присутствовал отец выяснилось, что у них появилась мысль о насильственной смерти, о чем, по их мнению, свидетельствовал внешний вид тела. Лицо было синего цвета и испуганное. И подозрительно долгое не оказание медицинской помощи. Такого рода подозрение существует до сих пор⁴⁰.

Интересно заметить, что спустя год после смерти Жданова, во время «ленинградского дела», следователи интересовались обстоятельствами гибели Жданова. Из протокола допроса Белопольского Валентина Иосифовича, который в 1946–1947 гг. заведовал спецхозом Ленгорисполкома, следует, что он спрашивал Бубнова, секретаря Ленгорисполкома, верно ли, что Жданова убили? «Вопрос: почему вы об этом спросили Бубнова, и когда происходил этот разговор? Ответ: мой разговор с Бубновым происходил на второй день после смерти Жданова. Говорили мы при встрече в служебном кабинете Бубнова. Такой вопрос я задал Бубнову потому, что в тот же день утром мне сказал об убийстве Жданова мой отчим Охотин Вениамин Васильевич, профессор Ленгосуниверситета, после чего я решил перепроверить это через Бубнова. Что именно сказал вам Охотин? Ответ: Охотин сказал мне, что Жданова убили. Жданов будто бы руководил вопросом оказания помощи бастовавшим во Франции рабочим и что-то сделал не так, как полагалось. Вопрос: как вы завели разговор на эту тему с Бубновым? Ответ: Обращаясь к Бубнову с желанием выяснить, так ли это, я спросил его: А как это правда ли, что Жданов не сам умер а его убили? «Бубнов безразлично спросил меня: “Откуда вы знаете?” На мой ответ так народ говорит: он заявил мне: “А я не слышал”. Больше на эту тему он не стал разговаривать и перевел разговор на другую тему обычного характера. Допрос начат в 21 час, прерван с 3 часов 40 минут 23 – IX. Допросил начальник первого отд. следователь УМГБ капитан Рябов».

Заметим, что первое время следователи выбивали компромат и на Жданова. Если для узкого круга окружения Жданова его смерть была неожиданной, что же тогда говорить о населении Советского Союза. 1 сентября 1948 г. люди раскупали газету «Правда», где было опубликовано: «Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совет Министров СССР с великим прискорбием извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 31 августа в 3 часа 55 минут дня после тяжелой болезни скончался

выдающийся деятель нашей партии и государства, член Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), депутат Верховного совета СССР, генерал-полковник, товарищ Андрей Александрович Жданов.

Смерть А. А. Жданова, верного сына партии Ленина-Сталина, посвятившего всю свою жизнь служению великому делу коммунизма, является тягчайшей утратой для партии и советского народа.

В лице товарища Жданова партия лишилась выдающегося марксистского теоретика, талантливейшего пропагандиста великих идей Ленина-Сталина, одного из крупнейших строителей партии и государства.

Верный ученик и соратник великого Сталина товарищ Жданов своей кипучей деятельностью на благо советского отечества своей беззаветной преданностью делу партии Ленина-Сталина снискал горячую любовь партии и всех трудящихся нашей Родины. Жизнь товарища Андрея Александровича Жданова, отдавшего всю свою пламенную энергию делу строительства коммунизма будет служить примером для трудящихся нашей великой Советской Родины»⁴¹. Кажется, что более превосходной степени не придумать. Но не менее высоко оценили политическую деятельность Жданова и аккредитованные в Москве иностранные корреспонденты. Об этом говорит телеграмма, отправленная в «Ассошиэйтед пресс»: «Эта потрясающая новость была передана русскому народу в темную и дождливую ночь. Русские услышали ее в тот момент, когда они готовились слушать обычную передачу последних известий. Все были чрезвычайно потрясены...» Отмечалось, что умерший «Андрей Александрович Жданов был одним из ближайших сподвижников Генералиссимуса Иосифа Сталина...», во время праздников «портрет Жданова висел вместе с портретами Иосифа Сталина и Вячеслава Молотова», «Жданов был высокообразованным человеком, с ярким интеллектом, как единогласно говорят иностранные обозреватели, которые с ним встречались», «являлся одним из выдающихся советских представителей. Он выступал от имени Центрального Комитета коммунистической партии и его голос являлся решающим во всех вопросах, которых он касался, включая искусство, театр, кино, философию, музыку и международное положение, а так же непосредственно партийные вопросы», «Жданов представлял русский и советский способ мышления как более высокий, по сравнению с существующим на буржуазном западе», был большим любителем музыки, «влияние Жданова в значительной степени будет сказываться и после его смерти»⁴². Отметим, что прогнозы на будущее были преувеличены.

По мнению авторов, специально расследовавших последние дни жизни Жданова, разнообразное множество фактов доказывает, что Сталин желал жестоко наказать Жданова в июле 1948 г., вплоть до его физического устранения. Доктора, лечившие его на Валдае, оказались в курсе желания Сталина. Судя по лекарствам, которые назначили Жданову, они знали о значении той роли, которую их попросили исполнить⁴³.

Итак, первая версия убийства: врачи выполняли указания свыше. Эта версия, на наш взгляд, не доказуема. Вторая версия — неправильный диагноз вынесенный светилами науки, то есть ошибка врачей. Третья версия, если не умертвили врачи, то помогли уйти в мир иной в результате несвоевременно оказанной медицинской помощи. Наконец, естественная смерть. Во время встречи с сыном Жданова, Юрием Андреевичем на вопрос о смерти отца он твердо не указал на насильственную смерть. Сказал только, что его поразило поспешное вскрытие тела на Валдае в полутемной ванной комнате. Может быть со временем загадочная смерть Жданова прояснится. Обратим внимание на странное сходство с не менее таинственной смертью И. В. Сталина.

Настораживает и тот факт, что решение Совета Министров СССР о увековечивании памяти А. А. Жданова было принято спустя два месяца после его похорон, причем кроме переименований, отмененных в 1989 г., большинство пунктов не было выполнено. В частности не выпущена книга, не поставлен памятник⁴⁴. В 1949 г. Сталин выступил против выдвижения на сталинскую премию портрета А. М. Герасимова «И. В. Сталин у гроба А. А. Жданова». Аргументировал он следующим образом «Нельзя же так: все Сталин и Сталин»⁴⁵. Может быть, в этой реплике не вся правда, вероятно, это связано прежде всего с переменой отношения к Жданову, ведь существует версия: даже если смерть Жданова была совершенно естественной, она сыграла роль избавительницы.

Зато Жданову устроили пышные похороны, сравнимые разве только с похоронами С. М. Кирова. 1 сентября поезд с телом Жданова прибыл в Москву. От Белорусского вокзала по улице Горького к Колонному залу Дома Союзов двинулась траурная процессия. Гроб везли на артиллерийском лафете, сопровождаемом кавалерийским эскортом. Непосредственно за гробом шли родные Андрея Александровича, а также руководство партией и страной. Траурная процессия медленно двигалась по улице. Вдруг внезапно раздается громкий смех. О чем-то разговаривая с Г. М. Маленковым, смеялся Л. П. Берия⁴⁶.

Впечатления о прощании со Ждановым Геннадий Николаевич Куприянов записал в свою тетрадь: «Члены Политбюро последними стали в почетный караул. Хотя людей было не так уж много, при выносе тела на лестнице у дверей получилась давка. Охрана в форме МВД и без формы плотной стеной стала за Сталиным и членами Политбюро, отгородив их от остальных членов ЦК и членов правительства. Сдерживая на лестнице наплыв задних рядов на передние, сержанты, старшины и офицеры МВД не стеснялись в приемах и вели себя чрезвычайно грубо. Они толкали людей, брали за шиворот просочившихся через “стенку” членов ЦК, министров, и затискивали их за спины последнего ряда охраны, как провинившихся мальчишек. Они знали, что каждый из получивших зуботычины не посмеет жаловаться, а ради своей безопасности махнет рукой и отойдет подальше, что бы не навлечь на себя подозрения в покушении на жизнь Сталина.

Горькое впечатление произвела на меня эта свалка, которую... оправдывали необходимостью охраны вождя. А ведь в зале были только видные работники партии и правительства. И никакой охраны внутри колонны, следовавшей непосредственно за правительственным гробом не нужно было. Ибо именно она — эта охрана и создала свалку»⁴⁷.

Похоронили его рядом с могилой М. В. Фрунзе. По сведениям сына А. А. Жданова Юрия Андреевича, в 1947 г. лечащие врачи сказали, что А. А. Жданову осталось жить не более года, если он не изменит характер работы. Узнав об этом, отец заявил: «Лучше физическая смерть, чем смерть политическая». Через год его не стало. Однако политическое убийство преследует его вот уже сорок лет⁴⁸, — писал Ю. А. Жданов в 2004 г. Добавим, теперь уже около пятидесяти.

¹ *Пыжиков А. В., Данилов А. А.* Рождение сверхдержавы. 1945–1953 гг. М., 2002. С. 210–211.

² См.: *Кутузов В. А.* Жданов и Союзная Контрольная Комиссия в Финляндии // От войны к миру. СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.: Сб. статей под ред. В. Н. Барышникова, Т. Н. Городецкой. СПб., 2006. С. 395–407.

³ *Пыжиков А. В., Данилов А. А.* Рождение сверхдержавы. С. 219.

⁴ *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 276.

⁵ Там же. С. 277.

⁶ *Жуков Ю. Н.* Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 гг. // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 27.

⁷ *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. С. 282–283.

⁸ *Жуков Ю. Н.* Сталин: тайны власти. М., 2008. С. 348.

⁹ Там же. С. 348–349.

¹⁰ Там же. С. 352.

¹¹ *Гордиенко А. А.* Куприянов и его время. Петрозаводск, 2010. С. 329.

¹² *Шепилов Д. Т.* Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 4.

¹³ Там же.

¹⁴ Аргументы и факты. 1995. № 39 (780). Сентябрь.

¹⁵ *Жуков Ю. Н.* Сталин: тайны власти. С. 384.

¹⁶ *Чуев Ф. И.* Каганович, Шепилов. М., 2001. С. 319–322.

¹⁷ *Жуков Ю. Н.* Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 гг. // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 24.

¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 77. Оп. 2. Д. 108. Л. 1.

¹⁹ *Жуков Ю. Н.* Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 гг. // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 30.

²⁰ *Аллилуева С.* Только один год. Нью-Йорк, 1972. С. 333.

²¹ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 62.

²² Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет министров СССР 1945 – 1953 / Сост. О. В. Хлевнюк и др. М., 2002. С. 59–60.

²³ *Зеленов М. В.* Перестройка аппарата ЦК ВКП (б) в 1946 г., июле 1948 и октябре 1952 г.: структура, кадры и функции (источники для изучения) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 105.

²⁴ *Болдовский К. А.* К вопросу об экспансии ленинградских кадров в 1946–1948 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 2. Вып. 3. С. 121–126.

- ²⁵ Жуков Ю. Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1953 гг. // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 32.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Гибианский Л. Я. Кризис в советско-югославских отношениях в 1948 г // Осмысление истории. М., 1996. С. 123, 125.
- ²⁸ Николаевский Б. И. К биографии Маленкова и истории компартии СССР // Тайные страницы истории. М., 1995. С. 222.
- ²⁹ Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 131, 132.
- ³⁰ Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 146.
- ³¹ Есаков В. Д., Левина Е. С. Сталинские «суды чести», «дело КР» М., 2005. С. 74.
- ³² РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 70. Л. 8.
- ³³ Гордиенко А. А. Куприянов и его время. Петрозаводск, 2010. С. 327.
- ³⁴ Там же. С. 328.
- ³⁵ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. С. 640.
- ³⁶ «Цель была спасти жизнь больного». Письма Лидии Тимошук в свою защиту // Источник. 1997. № 1. С. 5.
- ³⁷ Там же. С. 6.
- ³⁸ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. С. 640.
- ³⁹ Правда. 1948. 1 сентября.
- ⁴⁰ Судьбы людей. «Ленинградское дело / Под ред. А. М. Кулегина. Сост. А. П. Смирнов. СПб., 2009. С. 103.
- ⁴¹ Правда. 1948. 1 сент.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 2. Д. 70. Л. 2, 3, 5, 6, 7, 16.
- ⁴³ Брент Д., Наумов В. Последнее дело Сталина. М., 2004. С. 13.
- ⁴⁴ Кутузов В. А. Из истории увековечения памяти А. А. Жданова // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С. И. Ворошилова): Материалы международной научной конференции. С.-Петербург, декабрь 2009 г. СПб., 2011. С. 133–135.
- ⁴⁵ Елисеев А. В. Правда о 1937 годе. Кто развязал «Большой террор»? М., 2008. С. 95.
- ⁴⁶ Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое. Воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону, 2004. С. 310–311.
- ⁴⁷ Гордиенко А. А. Куприянов и его время. С. 328.
- ⁴⁸ Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое. С. 363.

Kutuzov V. A. Mysterious death of A. A. Zhdanov.

ABSTRACT: In this article author studies last years of A. A. Zhdanov's life, state of his health and his political role. V. A. Kutuzov reflects difficult relations established among top leadership of the USSR, which allow to give mixed appraisals of various political figures. On the background of the fight for the power among Stalin's closest environment discusses various versions of Zhdanov's death.

KEYWORDS: A. A. Zhdanov, I. V. Stalin, G. M. Malenkov, L. P. Beria, A. A. Kuznetsov, illness, death, fight, power.

AUTHOR: Ph. D. in History, Professor, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg); kutsalv@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Pyzhikov A. V., Danilov A. A. *Rozhdenie sverkhderzhavy. 1945–1953 gg.* Moscow, 2002.
- ² *Kutuzov V. A. Zhdanov i Soyuznaya Kontrol'naya Komissiya v Finlyandii // Ot vojny' k miru. SSSR i Finlyandiya v 1939–1944 gg.: Sb. statej pod red. V. N. Baryshnikova, T. N. Gorodeckoj.* St.Petersburg, 2006.
- ³ *Kostyrchenko G. V. Tajnaya politika Stalina. Vlast' i antisemitizm.* Moscow, 2001.
- ⁴ *Zhukov Yu. N. Bor'ba za vlast' v rukovodstve SSSR v 1945–1952 gg. // Voprosy' istorii.* 1995. N 1.
- ⁵ *Zhukov Yu. N. Stalin: tajny' vlasti.* Moscow, 2008.
- ⁶ *Gordienko A. A. Kupriyanov i ego vremena.* Petrozavodsk, 2010.
- ⁷ *Shepilov D. T. Vospominaniya // Voprosy' istorii.* 1998. N 6.
- ⁸ *Argumenty' i fakty'.* 1995. # 39 (780). September.
- ⁹ *Chuev F. I. Kaganovich, Shepilov.* Moscow, 2001.
- ¹⁰ Russian State Archive of Social and Political History.
- ¹¹ *Allilueva S. Tol'ko odin god.* New-York, 1972.
- ¹² *Memuary' Nikity' Sergeevicha Xrushcheva // Voprosy' istorii.* 1990. N 4.
- ¹³ *Politbyuro CK VKP (b) i Sovet ministrov SSSR 1945 – 1953 / Sost. O. V. Xlevnyuk i dr.* Moscow, 2002.
- ¹⁴ *Zelenov M. V. Perestrojka apparata CK VKP (b) v 1946 g., iyule 1948 i oktyabre 1952 g.: struktura, kadry' i funkcii (istochniki dlya izucheniya) // Novejshaya istoriya Rossii.* 2011. N 1.
- ¹⁵ *Boldovskij K. A. K voprosu ob e'kspansii leningradskix kadrov v 1946–1948 gg. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.* 2010. Ser. 2. Vy'p. 3.
- ¹⁶ *Gibianskij L. Ya. Krizis v sovetko-yugoslavskix otnosheniyax v 1948 g // Osmyslenie istorii.* Moscow, 1996.
- ¹⁷ *Nikolaevskij B. I. K biografii Malenkova i istorii kompartii SSSR // Tajnye stranicy' istorii.* Moscow, 1995.
- ¹⁸ *Shepilov D. T. Neprimknushij.* Moscow, 2001.
- ¹⁹ *Djilas M. Lico totalitarizma.* Moscow, 1992.
- ²⁰ *Esakov V. D., Levina E. S. Stalinskie «sudy' chesti», «delo KR»* Moscow, 2005.
- ²¹ *Istochnik.* 1997. N 1.
- ²² *Sud'by' lyudej. «Leningradskoe delo / Pod red. A. M. Kulegina. Sost. A. P. Smirnov.* St.Petersburg, 2009.
- ²³ *Pravda.* 1948. 1 september.
- ²⁴ *Brent J., Naumov V. Poslednee delo Stalina.* Moscow, 2004.
- ²⁵ *Kutuzov V. A. Iz istorii uvekovecheniya pamyati A.A. Zhdanova // Lichnost' v istorii v e'poxu novogo i novejshego vremeni (pamyati professora S. I. Voroshilova): Materialy' mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. S.-Peterburg, dekabr` 2009 g.* St.Petersburg, 2011.
- ²⁶ *Eliseev A. V. Pravda o 1937 gode. Kto razvyazal «Bol'shoj terror»?* Moscow, 2008.
- ²⁷ *Zhdanov Yu. A. Vzgljad v proshloe. Vospominaniya ochevidca.* Rostov-na-Donu, 2004.